

М. П. Погодин

Польский вопрос

**Собрание рассуждений, записок
и замечаний. 1831-1867**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. П. Погодин**
Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831-1867 /
М. П. Погодин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 250 с.

ISBN 978-5-518-09378-2

ISBN 978-5-518-09378-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

милліоновъ собственниковъ, введено было гласное судопроизводство, получили начало земскія учрежденія, значительно распространена свобода печати, и многія либеральныя учрежденія послѣдовали одинъ за другими.

Онѣ простирались и на Польшу. Въ Польшѣ устроены были также бытъ крестьянъ, посредствомъ тѣхъ же лицъ, на кои возложено было это великое дѣло въ Россіи; крестьяне Польскіе сдѣлались такими же собственниками, какъ и Русскіе; города освобождены отъ феодальнаго ига; убѣжища пражности (и политическихъ козней), лишніе монастыри, ограничены. Наконецъ въ послѣднее время объявлена широкая амністія; тысячи сосланныхъ за участіе въ мятежѣ семействъ возвращены на родину; слѣдствія прекращены, конфискаціи остановлены. Всѣ эти мѣры слѣдовали точно также одна за другою, не смотря на всѣ препятствія и противодѣйствія, физическія и нравственныя.

Какое же дѣйствіе производили либеральныя дѣйствія Русскаго правительства на шляхту, или покрайней мѣрѣ на эмиграцію? Никакого,—какъ будто бы ничего и не происходило новаго, ни въ Россіи, ни въ Польшѣ: Поляки продолжали протестовать, кознодѣйствовать, распускать фальшивыя ассигнаціи, поджигать, и требовать не только границъ 1772 года, но даже Кіева!

При всякомъ случаѣ я подавалъ свой голосъ, призывая враговъ къ миру, согласію, любви, доказывая вмѣстѣ очевидную невозможность успѣть по другому пути.

Въ 1865 году, послѣ продолжительнаго пребыванія въ Варшавѣ, я написалъ статью, поведя разсужденіе иною дорогою: я старался стать совершенно на мѣсто Поляковъ, смотрѣть ихъ глазами, взять на прокатъ ихъ

желанія, принять безъ разсужденія ихъ средства, стремиться къ ихъ цѣли,—и все-таки я пришелъ къ прежнему неутрастимому заключенію о неизбѣжности союза, соединенія, подъ какою бы то ни было формою, Россіи и Польши.

Нынѣ Поляки соединились съ исконными врагами Славянъ, съ Нѣмцами, Мадырами, и даже съ Турками, объявляя торжественно, что судьба Турціи и Польши не раздѣльны,—и наконецъ смертоноснымъ выстрѣломъ въ Государя-гостя Франціи, отвѣтили на объявленную амнистію.

Шляхта Польская является совершенно глухою ко всеѣмъ словамъ мира, согласія, родства, и совершенно чуждою не только Славянъ, но даже своего собственнаго народа. Ослѣпленіе непостижимое!

Я давно уже увѣрился въ Западномъ, Кельтическомъ или Романскомъ, ея происхожденіи, но теперь увѣрился еще вотъ въ чемъ: пришлецы въ Польшѣ никогда не соединялись съ туземцами, какъ соединились они у насъ и въ другихъ странахъ, болѣе или менѣе,—такъ, что шляхта и народъ составляютъ тамъ до сихъ поръ два совершенно различныя общества. Иначе не умѣю я объяснить себѣ послѣднихъ явленій.

Nabent sua fata nationes. Шляхта нынѣшняя, какъ древніе Евреи, изведенные изъ Египта, должна погибнуть въ сороколѣтнемъ странствіи по пустынѣ Европейской, а новая Польша съ освобожденными крестьянами и городами должна начать новую жизнь, новую исторію, въ соединеніи съ Россіею.

Такъ, кажется, угодно Богу! Къ тому ведутъ событія.

Намѣреніе мое издать свои записки не состоялось и во второй разъ.

Нынѣ принимаюсь за изданіе въ третій разъ, и печатаю всѣ свои статьи о Польскомъ вопросѣ, pro и contra. Онѣ остаются безъ малѣйшей перемѣны. Нѣкоторыя выраженія и обороты принадлежатъ времени и обстоятельствамъ. Прошу за нихъ прощенія, у кого слѣдуетъ, — также какъ и за повторенія, неизбѣжныя по времени и по мѣсту. Читатели, и преимущественно Поляки, увидятъ здѣсь разныя фазы моей мысли, при постоянномъ, впрочемъ, почтеніи къ Польскимъ достоинствамъ, и горячемъ доброжелательствѣ къ Полякамъ, какъ блистательнѣйшему и даровитѣйшему Славянскому племени, одному изъ первыхъ членовъ всего Славянскаго союза, который составлялъ любимую мечту моей молодости.

Въ этомъ отношеніи статьи—(подъ № 4) о совершенномъ отдѣленіи Польши отъ Россіи, и (подъ № 6) о сообщеніи ей полной автономіи, получаютъ особое значеніе, показывая осязательно, что даже безпристрастный и доброжелательный къ Полякамъ авторъ, имѣвшій нѣкогда подобныя мысли, принужденъ сознаться въ ихъ несостоятельности и невозможности, и убѣдиться на-оборотъ въ необходимости и неизбѣжности соединенія.

Нѣкоторые цензора совѣтовали мнѣ исключить эти двѣ статьи, какъ несостоятельныя, невозможныя, и вмѣстѣ несогласныя съ настоящимъ ходомъ дѣлъ, — изъ опасенія, чтобъ враги не стали на нихъ ссылаться.

Я совершенно не раздѣляю этого мнѣнія, и совершенно убѣжденъ, что ссылаться на эти статьи, писанныя впрочемъ въ особыхъ обстоятельствахъ, не можетъ никто, ибо онѣ опровергаются всѣми послѣдующими разсужденіями, и вмѣстѣ дѣйствительными событіями: Графъ Велепольскій, напрімѣръ,

VIII

устроилъ полную автономію, и доказалъ, что она не можетъ принести ничего, кромѣ страшнаго вреда. Эти статьи, напротивъ, повторяю, должны послужить сильнѣйшимъ подкрѣпленіемъ противоположныхъ доказательствъ.

Во всей книгѣ Поляки найдутъ доказательства, что Русскіе всегда были готовы обняться съ ними побратски, и идти дружно по одному пути, еслибъ только они, сознавъ разумно свое положеніе, оборотились съ Запада на Востокъ, и предали свою судьбу съ довѣренностію доброму и любвеобильному сердцу нашего Государя.

Смѣю думать, что мой сборникъ, въ этомъ историческомъ, такъ сказать, видѣ, прямой и искренній, можетъ принести пользу въ настоящихъ обстоятельствахъ:

1) Для Славянъ западныхъ, выступающихъ теперь на сцену, преимущественно Чеховъ, Моравлянъ, Словаковъ* и пр.

2) Для умѣренныхъ и благоразумныхъ Поляковъ, сколько ихъ найдется. **

3) Для людей безпристрастныхъ между Европейскими читателями. ***

4) Для тѣхъ изъ Русскихъ, которые недостаточно уяснили еще себѣ вопросъ.

М. Погодинъ.

1867. Іюня 27

(день Полтавской побѣды).

* Недавно найдено сочиненіе Словака Стура, который сходится со мною въ некоторыхъ отношеніяхъ.

** Въ послѣднихъ газетахъ есть извѣстіе о вновь появившихся Польскихъ Славянофилахъ.

*** Появляеъ съ благодарностію Прудона.

Историческія размышленія

ОБЪ ОТНОШЕНІИ ПОЛЬШИ КЪ РОССИИ.

(писано въ 1831 году, и было напечатано въ Телескопѣ).

Мы занимаемся здѣсь наукою, наукою чистою; по существу своему она безпристрастна, безкорыстна, она чуждается всякаго вліянія вѣшняго, великаго и малаго.

(Гизо въ лекціяхъ о французской Исторіи).

Западные писатели не имѣютъ надлежашаго понятія о Славянскихъ народахъ. Находя непреодолимое препятствіе въ языкѣ совершенно инородномъ, не надѣясь, по закоренѣлому предразсудку, узнать что-либо любопытное у мнимыхъ варваровъ, и искупить тяжелые труды богатою добычей, Французы, Англичане и Нѣмцы, (кромѣ нѣкоторыхъ частныхъ изслѣдователей), до сихъ поръ при историческихъ разсужденіяхъ своихъ уклоняются отъ славянской исторіи общими мѣстами, или даже переходятъ ее молчаніемъ, какъ будто забывая, что Славянскіе народы составляютъ почти десятую долю всемірнаго народочисленія, населяютъ почти десятую часть всей земной поверхности, и наконецъ, въ лицѣ Россіи, занимаютъ первое мѣсто въ системѣ государствъ, слѣдовательно имѣютъ всемірное значеніе. Вотъ почему и Гизо—начинающій собой новую эру въ исторической наукѣ, какъ Шлецеръ, Гердеръ, — въ славныхъ лекціяхъ своихъ объ Европейской Исторіи пропустилъ почти имя Славянъ, не зная,

что Славянская или Восточная Истѳрїя составляетъ такую же половину Европейской Истѳрїи, какъ Западная, которую онъ почитаетъ цѳлою, полною, не зная, что западной Европейской Истѳрїи нельзя уразумѳть вполнѳ безъ знакомства съ Восточною или Славянскою, которая представляетъ новыя поучительныя видоизмѳненїя всѳхъ западныхъ учреждений: и феодализма, и монархїи, и городовъ, и средняго состоянїя, и дворянства, и крестьянъ. (Не говорю уже о восточной церкви въ противоположности съ западною). — Вотъ почему въ краснорѳчивыхъ выходкахъ палатскихъ членовъ во Францїи и Англіи слышатся иногда такїя кривыя толкованїя, такїя грубыя ошибки обо всемъ, касающемся, напримѳръ, до насъ, что поневолѳ краснѳешь за непростительное невѳжество ученыхъ ораторовъ. — Но всего больнѳе бываетъ русскому сердцу, когда сіи заблужденїя переносятся къ намъ, приводятъ въ затрудненїе самыхъ защитниковъ нашихъ, находятъ неискусныхъ поборниковъ или легкомысленныхъ послѳдователей.

Нѳтъ, напримѳръ, ни одной мысли, болѳе распространенной въ политическомъ мїрѳ, (повторяемой даже въ нѳкоторыхъ нашихъ официальныхъ учебныхъ книгахъ), какъ мысль о раздѳлѳ Польши со стороны Россїи, — а между тѳмъ справедливо ли это? И въ 1773, и въ 1793, и въ 1795 г. Россїя не сдѳлала никакихъ похищенїй, какъ обвиняютъ наши враги, не сдѳлала никакихъ завоеванїй, какъ говорятъ наши союзники, а голько возвратила себѳ тѳ страны, которыя принадлежали ей искони по праву перваго занятїя, наравнѳ съ коренными ея владѳнїями, по такому праву, по какому Францїя владѳетъ Парижемъ, а Австрїя Вѳною. Еще болѳе—Россїи принадлежали нѳкогда и другїя страны, которыя находятся гораздо далѳе на западъ и югъ, то-есть, Галицїя и часть Молдавіи. Пройдите по любой улицѳ во Львовѳ (Лембергѳ) и Галичѳ — вы услышите вездѳ чистое малороссїйское нарѳчїе; загляните въ соборы—и вы увидите надгробныя надписи знаменитыхъ Князей Русскихъ; разверните лѳтописи—и вы найдете на всякой страницѳ доказательства, что здѳсь про-

цвѣтало одно изъ сильнѣйшихъ княжествъ Русскихъ въ XIII столѣтіи, которое принимало дѣятельное участіе во всѣхъ отечественныхъ происшествіяхъ, думало среди всеобщаго упадка, при славномъ королѣ Даніилѣ, о сверженіи съ Россіи ига Монголовъ, и уже послѣ было отторгнуто Поляками и Венграми.

Да не скажутъ, принимая одно выраженіе Карамзина, что Галицкое княженіе основано на завоеваніи Владимиромъ Святымъ Перемышля и Червеня, въ концѣ X столѣтія, у Польскаго короля Мечислава. И Лелевель говоритъ, что власть Мечислава въ то время не простиралась даже до Кракова, не только на Перемышль и Червень. И Бандтке не приноситъ объ этомъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Нашъ Историкъ, достовѣрнѣйшій свидѣтель, говоритъ только: «Иде Володимѣръ къ Ляхамъ, и зая грады ихъ, Перемышль, Червень, и ины грады, иже суть и до сего днеподъ Русью.» (По Лавр. сп. въ полномъ собраніи лѣтописей, т. 1, с. 35).

Вѣроятно, что сіи мѣста, внѣ первой Польши, принадлежали такимъ же вольнымъ языческимъ Ляхамъ, какъ, напри- мѣръ, Радимичи, вошедшіе прежде еще въ составъ Русскаго общества. Или — сіи города сдѣлались нашею собственностію еще во времена Олега, у котораго были въ подданствѣ Дулебы (въ западной Волыни), Тиверцы (по Днѣстру, до моря), и Хорваты (въ горахъ Карпатскихъ), ходившіе съ нимъ на войну.

Волынь же, Подолія, Бѣлоруссія издревле принадлежали къ Русскимъ владѣніямъ; въ самыя первыя времена нашей исторіи здѣсь обитали Славянскія племена, которыя прежде многихъ другихъ, напри- мѣръ, жившихъ въ Рязанскихъ и Суздальскихъ предѣлахъ, вошли въ составъ Русскаго государства. Еще болѣе — здѣсь было средоточіе, на этой сценѣ происходила, такъ сказать, наша исторія отъ временъ Владимира и до Монголовъ. Я укажу здѣсь только на обще-извѣстныя, обще-принятыя положенія, не прибѣгая къ лѣтописнымъ подробностямъ: Коростень (между Овручемъ и Жи-

томиромъ) встрѣчается въ исторіи Ольги; Овручъ (въ сѣверо-восточной час. Вол. губ.) принадлежалъ Ярополку; Полоцкъ, Изяславль, Туровъ (въ Минской губерніи), Владимиръ Волинскій, розданы въ удѣлы сыновьямъ Святымъ Владимиромъ, Берестень (Брестъ-Литовскій) находился во владѣніи Святополковомъ; Дорогобужъ (близъ Ровна, въ Волини), Луцкъ, Пинскъ, Теробовль, Кременецъ, Дубно, Дрогичинъ, Новгородъ-Волинскій, Минскъ, Бужскъ, принадлежали разнымъ внукамъ Ярославовымъ. Исключимъ сіи города изъ владѣній Литвы — что у ней останется? Только часть губерніи Виленской и Гродненской. Но и въ сихъ мѣстахъ Литовцы, (племя по своему происхожденію столь же чуждое Польшѣ, какъ и Россіи), съ незапамятныхъ временъ платили дань князьямъ Русскимъ, наравнѣ съ прочими Славянскими и Финскими племенами, вошедшими въ составъ Русскаго государства. Уже въ послѣдствіи, пользуясь временными бѣдствіями Россіи, они покорили себѣ не только вышеозначенные города, составляющіе нынѣ губерніи Минскую, Могилевскую, Витебскую, Волинскую, но, соединясь съ Поляками, простерли свои завоеванія до Московскаго княженія. И теперь большую часть народоселенія составляютъ тамъ Русскіе, а языкъ до позднѣйшихъ временъ былъ даже господствующимъ, гражданскимъ, письменнымъ. Кто же можетъ сказать, что Россія имѣетъ на Литву меньшее право, чѣмъ Англія на Валлисъ, или Франція на Бретань? Не говорю ужь о правахъ Англіи на Ирландію, или Австріи на Ломбардію и проч. и проч., съ которыми нечего и сравнивать Россію въ этомъ отношеніи.

Теперь о Польскомъ царствѣ. Европейскіе политики, рассуждая объ немъ, забываютъ, кажется, что со смерти послѣдняго Піаста, въ 14 столѣтіи, на престолѣ Польскомъ послѣдовательно сидѣли и Литовскіе, Седмиградскіе князья, и Французскіе, Шведскіе принцы, и Саксонскіе курфирсты. Почему же кажется имъ страннымъ, что этотъ престолъ занять нынѣ Россійскимъ Императоромъ?—«Прежде дѣло было другое»—возражаютъ мнѣ общимъ мѣстомъ—«прежде избранія были вольныя.»—Но бывали ль въ Польшѣ избранія вольныя

въ полномъ смыслѣ этого слова? Когда не дѣйствовали подкупы, чужестранцы, оружіе! И я не знаю, найдется ли во всей Польской Исторіи хотя одно восшествіе на престолъ благороднѣе Александрова—былъ ли избранъ сей Россійскій Императоръ по единогласному желанію Сената и представителей Польскихъ, или по соглашенію съ прочими Государствами, рѣшавшими въ то время судьбу Европы, или какъ побѣдитель, пришедшій влѣдъ за побѣжденными неприятелями, которые дымили еще кровію родныхъ его дѣтей!...

Да прильпнетъ языкъ къ моей гортани, если я подумаю когда-либо святое науки умышленно представлять въ ложномъ свѣтѣ для частныхъ видовъ, хотя бы это было даже въ пользу моего отечества!... Но вотъ мысли, родившіяся во мнѣ при чтеніи Польской Исторіи, безъ всякаго отношенія къ нынѣшнимъ происшествіямъ.

Въ природѣ нравственной, наравнѣ съ физическою, представляется вездѣ дѣйствіе и противодѣйствіе — какое-то право возмездія, какъ бы въ исполненіе словъ Пророка: творяи милость въ тысячи, и отдаи грѣхи отци въ нѣдра чадъ ихъ но нихъ. Исторіи всѣхъ государствъ представляютъ очевидныя тому доказательства; но нигдѣ сіе возмездіе не совершалось столь кроткимъ, можно сказать, христіанскимъ образомъ, какъ въ Россіи. Отъ основанія Русскаго государства и до позднѣйшихъ временъ, то-есть, отъ IX-го столѣтія и до XVII-го, посягалъ ли русскій мечъ хотя на одну каплю польской крови? И наоборотъ, изсыкали ли хотя на короткое время, въ продолженіе сихъ столѣтій, рѣки русской крови, пролитой польскою, литовскою саблею въ рукахъ Болеславовъ, Гедиминовъ, Олгердовъ, Витовтовъ, Баторіевъ, Хоткевичей, Лисовскихъ—крови, пролитой изъ самаго сердца Россіи, Москвы? Неужели за тяжелыя страданія Россіи—напримѣръ, въ эпоху католическаго могущества въ Украинѣ, при Василіѣ Дмитріевичѣ, когда Можайскъ и Кадуга сдѣлались нашею границею — неужели за судорожныя мученія Россіи при самозванцахъ, Поляки заплатили намъ шестнадцатилѣтнимъ подданствомъ Импе-

раторамъ Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливѣе своихъ предковъ, въ эпоху ихъ величія и славы, когда мы завели имъ училища, обучили войска, устроили финансы, установили суды, возбудили промышленность, облегчили судьбу поселянъ?... Пусть какой-нибудь знатокъ Польской Исторіи, пусть Лелевель, (съ которымъ я имѣлъ случай чрезъ Вѣстникъ Европы состязаться о Рюрикѣ и Новгородѣ, когда онъ печаталъ свои замѣчанія въ Сѣверномъ Архивѣ), отвѣчаетъ на сей вопросъ!... Россія столь счастлива, что почти всегда имѣла на своей сторонѣ справедливость наравнѣ съ силою, и достигла своего могущества— обороняясь: примѣръ единственный, и ни одна Исторія не сравнится чистотою съ нашею въ этомъ отношеніи.

Сравните еще ее съ судьбою прочихъ государствъ Славянскихъ: всѣ онѣ имѣли свои эпохи славы и могущества, и всѣ какъ бы поочереди пали: Моравія, Болгарія, Сербія, Померанія, Богемія, Кроація, Славонія, Далмація, Боснія, Польша. Многіе Славяне потеряли даже языкъ свой вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней славной жизни; въ Помераніи, Мекленбургѣ, Саксоніи и другихъ странахъ Германіи они онѣмечились, въ Моревѣ огречились, въ Венгріи, между Османами, отуречились. Одна Россія устояла противъ всѣхъ ударовъ судьбы. Испушенная собственными долговременными бѣдствіями, какъ будто искупленная смертію однородныхъ государствъ, она возвышаетъ величественную главу свою надъ ихъ могилами, и стремится къ зениту своего могущества, возывая къ новой жизни тѣ, которыя Провидѣніе къ ней присоединило.

Этотъ зенитъ есть въ Исторіи всякаго государства, и чѣмъ позднѣе онѣ достигаютъ его, тѣмъ долѣе подъ онымъ остаются, сообразно и съ другими предыдущими обстоятельствами. Польша была въ этомъ положеніи въ XVI столѣтіи. Кажется вся сила Европейскаго Востока — подобно ядру необработанной кометы, которое носится по небеснымъ пространствамъ, пока не найдетъ себѣ твердой точки въ системѣ